

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.722

М. С. Куропятник

КУЛЬТУРНАЯ ИНКАПСУЛЯЦИЯ: КОНТЕКСТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье анализируется трансформация концепта культурной инкапсуляции в современной социальной антропологии и социологии. Являясь одной из возможных альтернатив концепциям смешения и ассимиляции, концепт культурной инкапсуляции позволяет сместить акценты в понимании социальной организации культурного разнообразия в условиях глобализации. В современном мире инкапсуляция по большей части затрагивает отдельные конфигурации культурных форм и социальных отношений, которые встраиваются в социокультурные континуумы, создаваемые деконтекстуализированными культурными формами, паттернами адаптации к определенной экологической нише, а также универсальными культурными категориями. Библиогр. 20 назв.

Ключевые слова: глобализация, культурная инкапсуляция, межкультурные контакты, культурное смешение, социальная организация культурного разнообразия.

CULTURAL ENCAPSULATION: CONTEXTS AND INTERPRETATIONS OF SOCIOCULTURAL PROCESSES

M. S. Kuropyatnik

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article deals with the transformation of the concept of cultural encapsulation in modern social anthropology and sociology. As one of the possible alternatives to the concepts of mixing and assimilation, concept of cultural encapsulation allows to shift the emphasis in the understanding of the social organization of cultural diversity in the context of globalization. In modern world encapsulation mostly affects some configurations of cultural forms and social relations, which are embedded in the continuum created by decontextualized cultural forms, patterns adaptation to ecological niche as well as universal cultural categories. Refs 20.

Keywords: globalization, cultural encapsulation, cultural contacts, cultural mixing, social organization of cultural diversity.

Современный фокус социологии и социальной антропологии на миграционных и культурных потоках, «культурном смешении, невиданном ранее» [1, p. 8–9], изменении статуса национальных, этнических и культурных границ в направлении их большей «проницаемости», «открытости» и «невидимости» сопряжен с актуализацией идеи движения в условиях глобализации. Создается впечатление, что весь мир вовлечен в водоворот движения, не оставляющего места социальной стабильности и культурной преемственности. Будучи одним из важнейших ракурсов осмысления культурной динамики глобализации, этот подход не только оказал влияние на глубинную трансформацию концепта культуры, подразумевающую

признание культурных границ продуктом социальных и исторических процессов (Ф. Барт), но также способствовал «возвращению» концепта смешения в его новых теоретических формах. Фундаментальное переосмысление «культурного смешения» в контексте преодоления прежних эссенциалистских коннотаций, аналитического разграничения таких его форм, как креолизация, гибридизация, культурный синкретизм, а также пересмотра перспектив сохранения коллективной идентичности в ситуации смешения [2, р. 153–155, 165–173] в конечном итоге придали ему «интеллектуальную привлекательность» как способу постижения ряда особенностей современной культуры.

Так, социально-антропологические концепции креолизации интегрируют референции к пространственному перемещению с его амбивалентными коннотациями «утраты корней» и творческих инноваций, а также смешению двух или нескольких ранее дискретных культур в результате контактов, которые приводят к преодолению однозначной сопряженности культурных форм и идентичностей только с одной из культур [2, р. 155–156, 171; 3, р. 66–68]. Несмотря на то что имплицитно такой подход подразумевает возможность существования до креолизации «чистых» культурных форм [2, р. 171], соотносимых с определенным сообществом и полагаемых быть «аутентичными», в пространстве креолизации набирают силу процессы, в ходе которых культурные взаимодействия утрачивают ожидаемый, линейный характер развития.

Однако образ жизни «через границы», или «между национальными границами» [4, р. XXI], подразумевающий увеличение объемов и интенсивности межкультурных контактов, а также формирование их новых модусов приводят к такой реконфигурации «культурной сложности» (У. Ханнерц) контекстов современности, которая не может быть сведена к тривиальному смешению или же представлена в перспективе неизбежной ассимиляции.

Одной из возможных альтернатив концепциям смешения и ассимиляции является концепт культурной инкапсуляции, который позволяет сместить акценты в понимании социальной организации культурного разнообразия в условиях глобализации. Инкапсуляция связана с артикуляцией социальных границ сообщества и их поддержанием в актуальном состоянии. Но речь идет не только о дилемме, традиционно представляемой как стирание различий или их актуализация в ситуации межкультурных контактов [5, с. 75–84]. В русле пересмотра взгляда на культуры и социальные структуры как интегрированные целостности [2, р. 153], а на социальную интеграцию как необходимый результат взаимодействия [6, с. 60], социокультурные пространства могут быть представлены не разграниченными на отдельные территории, сегменты и внутренне гомогенные культуры, а иерархически взаимосвязанными многоуровневыми конфигурациями. В этой перспективе «социальные и культурные изменения становятся вопросом не культурных контактов и артикуляции, а переосмысления различий через взаимосвязи» [7, р. 67].

Культурная инкапсуляция как реакция на изменение внешних условий

Первоначально концепт культурной инкапсуляции разрабатывался психологом Г. Ренном для объяснения сопротивления, оказываемого индивидом, культурой или субкультурой быстрым и радикальным изменениям образа жизни и усло-

вий существования. С этой точки зрения, культурная инкапсуляция представляет собой устоявшийся способ понимания и интерпретации мира, основанный на желании или необходимости сохранения *status quo* [8, p. 67–68]. Именно в этом значении данный концепт получил определенное признание в кросс-культурных исследованиях, в теории и практиках мультикультурного образования, а также в сфере культурно-компетентного консультирования, где культурная инкапсуляция сопрягается с рядом подходов, выражающих этноцентристскую точку зрения на мир.

В социальной антропологии феномен культурной инкапсуляции впервые был исследован Р. Пэйном применительно к ситуации коренных народов (*indigenous peoples*) [9, p. 50–54], которая воплощает одну из иерархически организованных форм культурного плюрализма. Во многих случаях инкапсуляция была навязана кореным народам национальными государствами или империями, такими как Австралия, Канада или Норвегия, исторически включившими их в свои границы [9, p. 60] в качестве особых социокультурных сегментов. В этом плане весьма показательной представляется позиция Шведского государства по отношению к коренному саамскому населению, которая в конце XIX — начале XX в. основывалась на доктрине «пусть саамы будут саамами». Последнее приводило к ограничению пространства саамской культуры локусами, сопряженными с кочевым оленеводческим образом жизни [10, p. 158–159], и артикуляции коллективной саамской идентичности преимущественно в контексте воспроизводства кодифицированных культурных различий. Осознание коренными народами своего опыта инкапсуляции, сопряженного с «монокультуризацией» и ориентацией на воспроизводство знаний [9, p. 54, 59], во многом способствовало пересмотру сложившихся социальных границ и артикуляции саамской идентичности в более широком культурном контексте.

Концепт культурной инкапсуляции отсылает к классической тематике социально-антропологического дискурса, в течение длительного времени фокусированного на более или менее инкапсулированных локальных сообществах внутри обществ.

Норберт Элиас объясняет обособление сообществ внутри общества своеобразным «эффектом запаздывания» [11, с. 293]. Так, последователи ряда христианских сект в Канаде, например немецких гуттереров, «довольно успешно сохраняли свои окостеневшие формы жизни, свои правила веры, всю свою традицию» [11, с. 299–300]. Очевидно, что в этой перспективе дискурс инкапсуляции подразумевает такую гетерогенность, которая сформирована фундаментально различающимися культурными контекстами.

Важнейшими факторами культурной инкапсуляции являются ограничение межкультурного взаимодействия определенным набором ситуаций [12, с. 75] или же достаточно жесткая регламентация возможных каналов культурной диффузии, что, в свою очередь, оборачивается стандартизацией культурных форм в границах сообщества.

В том случае, когда импульсы к инкапсуляции формируются преимущественно изнутри сообщества, обнаруживаются устойчивые тенденции минимизации межкультурных контактов с целью сохранения и консервации культурных традиций. Подобного рода практики могут быть соотнесены с феноменом, метафорически обозначенным Г. Бейтсоном как «избегание». По его мнению, «избегание коммуникации» имеет место тогда, когда «она определенным образом изменяет суть идеи, ее природу», затрагивая признаваемые «сакральными» культурные формы [13,

с. 38–39], или же в ситуации неопределенности социальных позиций и культурной принадлежности контактирующих сторон, что способствует созданию своего рода буферных зон. История старообрядческих общин в России как нельзя лучше демонстрирует возможность сохранения отчетливо выраженных культурных границ в течение длительного времени.

Концептуализация инкапсуляции как формы защитной реакции локальных и этнических сообществ на изменение важнейших параметров жизненного пространства сохраняет свою релевантность и в условиях глобализации [1, р. 107–110]. При этом инкапсуляция ассоциируется с ситуациями, предполагающими не изоляцию, а реализацию паттернов межкультурного взаимодействия, принимающих во внимание модели и ценности преимущественно одной из контактирующих сторон.

Культурная инкапсуляция *versus* аккультурация: глобальный контекст

Рассмотрим феномен культурной инкапсуляции с другой точки зрения. Ставшая одним из лейтмотивов глобализации детерриторизация населения, культурных форм и идентичностей, предполагает их «высвобождение» (Э. Гидденс) из местных контекстов и возможность пространственного переноса, в том числе и укоренения в новом социокультурном окружении. В русле этих процессов становятся возможными перемещения в физическом и социальном пространстве акторов, заключенных в «капсулу» (или «кокон») своей культуры. С этой точки зрения, инкапсуляция означает такую возможность включения в глобальные культурные потоки, которая не предполагает платы в форме ассимиляции индивида или группы.

Так, трудовые мигранты, а в ряде случаев и беженцы, представляя возможную перспективу своего возвращения на родину, могут прибегать к инкапсуляции, воспроизводя в новом социокультурном окружении своего рода «суррогатный дом» [3, р. 106, 111]. Будучи одним из аспектов транснационализации, инкапсуляция позволяет переопределить контуры общего культурного пространства, в границах которого культурные практики, связывающие мигрантов с территорией происхождения, реализуются преимущественно в традиционном формате, а также канализировать их в предпочтительной перспективе — этничности, религии или родства. Наряду с этим имеет место «связывание» культур и идентичностей нескольких признаваемых в том или ином отношении «родственными» сообществ, инкапсулируемых в границах разных национальных государств.

Репрезентации культурных форм и конфигураций как четко сопряженных с неким значимым историческим, локальным, индигенным или каким-либо другим контекстом повсеместно оборачиваются проведением новых и актуализацией прежних социальных границ. Именно эта идея подпитывает разного рода культурные, социальные и политические проекты, подразумевающие инкапсуляцию. Однако сегодня инкапсулированные сообщества не столько формируют пространства аутентичной культуры (как бы мы ни относились к самой возможности культурной репродукции аутентичных форм), сколько предлагают окружающим принимать во внимание «диакритические основания» [14, с. 62] своей собственной культуры при организации взаимодействия и общения в сложных поликультурных контекстах.

Подобная смена перспектив в осмыслении инкапсуляции — от ориентации сообщества на изоляцию к выражению самопонимания, формируемого включенными в глобальные процессы акторами разного уровня, которые пересматривают

свои позиции в современном мире, — позволяет «протестировать концептуальные и политические границы либерального плюрализма» [15, р. 34] в определенном социокультурном контексте. Ведь «для того, чтобы ориентироваться в мире и защищаться от его опасностей, мы больше не можем опираться на формы мышления, умозаключения, дискурсы, которые имеют собственную нишу в том или ином частном контексте» [16, с. 30].

Вместе с тем инкапсуляция имеет место с индивидами и различными сообществами, которые не могут быть однозначно признаны периферийными постольку, поскольку они в той или степени интегрированы в современное социокультурное пространство уже самим фактом вовлеченности в глобальные потоки, что, в свою очередь, предполагает наличие определенного социального капитала. Именно в этом качестве сообщества претендуют на их признание равноправными участниками глобального процесса. Ю. Хабермас справедливо считает, что растущий в современном мире плюрализм «вызывает изменение формы социальной интеграции» [17, с. 301]. Однако современные западные страны по-прежнему придерживаются позиций, выражающих в завуалированной форме этноцентристский взгляд на мир, и, прикрываясь риторикой толерантности и универсализма, реализуют такие схемы включения в свои культурные и социальные границы, которые означают аккультурацию или ассимиляцию. В этой перспективе культурная инкапсуляция может быть осмыслена как часть более широкой трансформации, которая соотносится с реакцией детерриторизованных, изменчивых по составу, гетерогенных в социальном и культурном плане сообществ на воспроизводство сценариев дихотомизации социокультурного континуума в национальных обществах, подверженных процессам глобализации. Артикуляция культурных различий в перспективе инкапсуляции — сложный, противоречивый, многосторонний процесс, подразумевающий реализацию установок на взаимопонимание и апелляций к «усвоенному культурному прошлому» (перефразируя Х. Арендт), достижение баланса интересов и легитимацию гибридных культурных конфигураций и идентичностей, сложившихся в контексте пространственной мобильности.

Быть вместе, не смешиваясь, или На пути к «новому Вавилону»?

Умберто Эко, размышляя о перспективах европейской культуры в свете новой переоценки Вавилонского смешения [18, с. 346–358], обуславливает возможность достижения согласия в Европе — многоязычной и, добавим, поликультурной — не переходом на чужой язык или другую культуру, а общением с позиций своей родной культуры и языка, которое тем не менее позволяет схватывать «тот “дух”, ту культурную вселенную, какую каждый выражает, говоря на языке своих предков и своей традиции» [18, с. 358].

По-видимому, конструктивный потенциал социальной организации культурного разнообразия, подразумевающей инкапсуляцию некоторых паттернов и культурных форм в контексте пространственной мобильности и переосмысления различий, еще только осознается. Исходя из этого, взаимодействие на глобальных «культурных перекрестках» [1, р. 8], в том числе и в мегаполисах, не может быть представлено в виде контактов двух или нескольких культур. Скорее, это более сложная гамма отношений, предполагающая последовательные или синхронные,

долговременные или мимолетные контакты людей, осознающих свою принадлежность к множеству различных социокультурных контекстов. При этом паттерны поведения и символические конструкции, репрезентирующие культурную принадлежность, не только переводятся в плоскость повседневности, но в ряде ситуаций утрачивают статус культурных различий, ограничивающих взаимодействие. Тем самым в определенной степени снимается социальная напряженность, вызываемая ожиданием аккультурации.

Многообещающий контекст для исследования процессов инкапсуляции в ситуациях кратковременных межкультурных контактов представляет собой современный международный туризм. Туристы, формирующие один из самых многочисленных потоков, движущихся через границы [19, с. 78], в некоторых отношениях «изолируют себя от принимающего общества» [20, р. 243] и сохраняют свою культуру.

Известны и другие варианты инкапсуляции. Так, например, У. Ханнерц отмечает, что западные европейцы и американцы «инкапсулируют» себя культурно и в основном остаются «жителями метрополии», а не становятся космополитами — ни у себя дома, ни пребывая в других, в том числе и транснациональных, культурах [3, р. 107].

Итак, в современном мире инкапсуляция по большей части затрагивает отдельные конфигурации культурных форм и социальных отношений, которые встраиваются в социокультурные континуумы, создаваемые деконтекстуализированными культурными формами, паттернами адаптации к определенной экологической нише, а также универсальными культурными категориями.

Литература

1. Eriksen T. H. Globalization. The Key Concepts. London, New Delhi, New York, Sydney: Bloomsbury, 2007. 176 p.
2. Eriksen T. H. Creolization in Anthropological Theory and in Mauritius // Creolization: History, Ethnography, Theory / ed. by Ch. Stewart. Walnut Creek, CA: Left Coast Press, 2007. P. 153–177.
3. Hannerz U. Transnational connections. Culture, people, places. London & New York: Routledge, 2000. 201 p.
4. Bhabha H. The Location of Culture. London & New York: Routledge, 2004. 408 p.
5. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 476 с.
6. Эриксен Т. Х. Что такое антропология? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 238 с.
7. Gupta A., Ferguson J. Beyond «Culture»: Space, Identity and the Politics of Difference // The Anthropology of Globalization / eds J. X. Inda, R. Rosaldo. Oxford: Blackwell Publishing, 2002. P. 65–80.
8. Key Words in Multicultural Interventions. A Dictionary / ed. by J. Scott Mio. Westport, Connecticut & London: Greenwood Press, 1999. 320 p.
9. Paine R. The Claim of the Fourth World // Native Power. The Quest for Autonomy and Nationhood of Indigenous Peoples / ed. by J. Brosted. Oslo: Universitetsforlaget As, 1985. P. 49–65.
10. Niemi E. The Finns in Northern Scandinavia and Minority Policy // Ethnicity and Nation building in the Nordic World / ed. by S. Tägil. London: Hurst & C°, 1995. P. 145–178.
11. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. 336 с.
12. Холанд Г. Экономические факторы в этнических процессах // Этнические группы и социальные границы / под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006. С. 72–90.
13. Бейтсон Г., Бейтсон М. Ангелы страшатся. М.: Технологическая школа бизнеса, 1994. 216 с.
14. Туен Т. Культурная и этническая непрерывность у коренных народов Севера: некоторые антропологические подходы // Этнографическое обозрение. 1990. № 5. С. 56–64.
15. Papastergiadis N. Dialogues in the Diasporas. Essays and Conversations on Cultural Diversity. London & New York: Rivers Oram Press, 1998. 228 p.
16. Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.

17. Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. 368 с.
18. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: «Александрия», 2009. 423 с.
19. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
20. Hannerz U. Transnational Research // Handbook of methods in cultural anthropology / ed. by H. Russell Bernard. Walnut Creek: AltaMira Press, 1998. P. 235–256.

References

1. Eriksen T. H. *Globalization. The Key Concepts*. London, New Delhy, New York, Sydney, Bloomsbury, 2007. 176 p.
2. Eriksen T. H. Creolization in Anthropological Theory and in Mauritius. *Creolization: History, Ethnography, Theory*. Ed. by Ch. Stewart. Walnut Creek, CA, Left Coast Press, 2007, pp. 153–177.
3. Hannerz U. *Transnational connections. Culture, people, places*. London, New York, Routledge, 2000. 201 p.
4. Bhabha H. *The Location of Culture*. London, New York, Routledge, 2004. 408 p.
5. Bateson G. *Ekologiya razuma. Izbrannye stat'i po antropologii, psikiatrii i epistemologii* [Ecology of Mind. Collected Essays in Anthropology, Psychiatry and Epistemology]. Moscow, Smysl Publ., 2000. 476 p. (In Russian)
6. Eriksen T. H. *Chto takoe antropologiya?* [What is Anthropology?]. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014. 238 p. (In Russian)
7. Gupta A., Ferguson J. Beyond “Culture”: Space, Identity and the Politics of Difference. *The Anthropology of Globalization*. Eds. J. X. Inda, R. Rosaldo. Oxford, Blackwell Publishing, 2002, pp. 65–80.
8. *Key Words in Multicultural Interventions. A Dictionary*. Ed. by J. Scott Mio. Westport, Connecticut, London, Greenwood Press, 1999. 320 p.
9. Paine R. The Claim of the Fourth World. *Native Power. The Quest for Autonomy and Nationhood of Indigenous Peoples*. Ed. by J. Brosted. Oslo, Universitetsforlaget As, 1985, pp. 49–65.
10. Niemi E. The Finns in Northern Scandinavia and Minority Policy. *Ethnicity and Nation building in the Nordic World*. Ed. by S. Tägil. London, Hurst & Co, 1995, pp. 145–178.
11. Elias N. *Obshchestvo individov* [Society of individuals]. Moscow, Praksis Publ., 2001. 336 p. (In Russian)
12. Haaland G. Economic Determinants in Ethnic Processes. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy* [Ethnic Groups and Boundaries]. Ed. by F. Bart. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2006, pp. 72–90. (In Russian)
13. Beitson G., Beitson M. *Angely strashatsia* [Angels Fear]. Moscow, Tekhnologicheskaya shkola biznesa Publ., 1994. 216 p. (In Russian)
14. Thuén T. Kul'turnaia i etnicheskaya nepreryvnost' u korennykh narodov Severa: nekotorye antropologicheskie podkhody [Cultural and Ethnic Continuity of Indigenous Peoples in the North of Europe. Some Anthropological Viewpoints]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 1990, no. 5, pp. 56–64. (In Russian)
15. Papastergiadis N. *Dialogues in the Diasporas. Essays and Conversations on Cultural Diversity*. London, New York, Rivers Oram Press, 1998. 228 p.
16. Virno P. *Grammatika mnozhestva. K analizu form sovremennoi zhizni* [Grammar of multitude. To analyze the forms of modern life]. Moscow, Ad Marginem Press, 2013. 176 p. (In Russian)
17. Habermas J. *Politicheskie raboty* [Collected Political Essays]. Moscow Praksis Publ., 2005. 368 p. (In Russian)
18. Эко У. *Поиски совершенного языка в европейской культуре* [The Search for the Perfect Language (Making of Europe)]. St. Petersburg, Aleksandriia Publ., 2009. 423 p. (In Russian)
19. Урри Дж. *Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия* [Sociology Beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century]. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012. 336 p. (In Russian)
20. Hannerz U. Transnational Research. *Handbook of methods in cultural anthropology*. Ed. by H. Russell Bernard. Walnut Creek, AltaMira Press, 1998, pp. 235–256.

Статья поступила в редакцию 10 апреля 2015 г.

Контактная информация

Куропятник Марина Степановна — доктор социологических наук, профессор; kuropyatnik@bk.ru
 Kuropyatnik Marina S. — Doctor of Sociology, Professor; kuropyatnik@bk.ru